

DOI: 10.15372/HSS20150403
УДК 94(47).07(093)

Т.А. САБУРОВА

**«СТРЕЛКА МОЕЙ ЖИЗНИ ПОВЕРНУЛАСЬ НА СТО ЛЕТ НАЗАД...»:
БИОГРАФИЧЕСКОЕ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ
В «ЖИЗНИ ПУШКИНА» А.В. ТЫРКОВОЙ-ВИЛЬЯМС**

Татьяна Анатольевна Сабурова,
д-р ист. наук, профессор,
Омский государственный педагогический университет
РФ, Омск, 644099, наб. Тухачевского, 14,
e-mail: sabourova@omgpu.ru

В статье рассматривается значение личности биографа и роль автобиографического начала в биографических произведениях на примере анализа «Жизни Пушкина» А.В. Тырковой-Вильямс. Устанавливаются причины и условия создания А.В. Тырковой-Вильямс биографии А.С. Пушкина, отражение в биографическом тексте собственного жизненного опыта Тырковой-Вильямс, истории России XIX в. и революционных событий начала XX в., а также исканий русской интеллигенции и создание «пушкинского мифа». В статье раскрывается, как различные виды идентичностей (сословная, гендерная, профессиональная, национальная) отражаются в биографическом тексте о Пушкине. Показывается значение обращения к творчеству и биографии Пушкина для русской эмиграции 1920-х – 1930-х гг., (как средство сохранить национальную идентичность и культуру), а также борьба за Пушкина в контексте политических и идеологических споров русской интеллигенции.

Ключевые слова: историческая биография, автобиография, воспоминания, русская эмиграция, идентичность, «пушкинский миф».

T.A. SABUROVA

**“I AM LIVING IN THAT DISTANT PAST...”:
BIOGRAPHY AND AUTOBIOGRAPHY IN “ZHIZN’ PUSHKINA” (PUSHKIN’S LIFE)
BY ARIADNA TYRKOVA-WILLIAMS**

Tatiana A. Saburova,
Doctor, Professor,
Omsk State Pedagogical University,
14, nab. Tukhachevskogo, Omsk, 644099, Russia,
e-mail: sabourova@omgpu.ru

This article considers the problem of historical biography, its specifics as a genre and a research field; reveals the role of a biographer and his/her life experience in biographical writing. The article is focused on the biography of Alexander Pushkin (“Zhizn’ Pushkina”) written by Ariadna Tyrkova-Williams, her reasons to write Pushkin’s biography in 1920-1930s. The article shows how the historical events in revolutionary Russia and personal experience of Ariadna Tyrkova influenced her picture of Pushkin’s life. The aim of this article is to reveal the interconnection between the biographical text and autobiographical narrative, based on the analysis of “Zhizn’ Pushkina”, memoirs and correspondence of Ariadna Tyrkova. She wrote Pushkin’s biography in England, after her emigration from the Soviet Russia, contributing to the formation of “Pushkin’s myth” and part of the struggle for Pushkin between the Soviet scholars and Russian emigres.

Writing a biography (along with writing memoirs) is one of the means of identification and self-identification. The author argues that, first, the generational identity was prominent for Tyrkova and this kind of identity was reflected in the biography of Pushkin, creating links between the generation of Tyrkova and Pushkin. While portraying the circle of young friends of Pushkin, Tyrkova kept in mind her brother’s friends. Second, the description of the Russian nobility reflects the significance attached to the social identity by Tyrkova, while Mikhailovskoe reminded Tyrkova of her estate located not so far from the Pushkin’s place. “Zhizn’ Pushkina” reveals much about Tyrkova’s political views because she pointed out that Pushkin was closer to the “liberal conservatism” than “revolutionary liberalism”. There are several female portraits in this biography revealing Tyrkova’s feminist views and ideas about the role of women in society. Thus, we can learn much about Tyrkova’s values, political and religious constellations, her doubts and beliefs from her work about Pushkin. The lives of Tyrkova and Pushkin are brought together in the biographical context, connecting different times and spaces.

Key words: historical biography, autobiography, memoirs, identity, Russian emigration, the myth of Pushkin.

В биографических произведениях совершенно естественно центральное место занимает человек, чья жизнь стала предметом изучения и описания. Но историческая биография не тождественна жизнеописанию как таковому, так как вбирает в себя истории других людей, оказавшихся связанными с судьбой главного персонажа, культуру исторической эпохи, события и явления, ставшие частью «жизненного проекта» главного героя. Современная историческая биография, тесно связанная с микроисторией, раскрывает через жизнеописание отдельного человека историю общества и его институтов, исторические события и явления. После «биографического поворота» 1990-х гг. «изучение жизни отдельного человека можно сравнить с изучением истории города, региона или государства как способ понять более широкие культурные и социальные явления» [1, с. 582]. Таким образом, историческая биография оказывается на пересечении различных областей гуманитарного знания, а исследователь – перед необходимостью решения проблемы исторического синтеза, в поиске между микро- и макроисторией, индивидуальным и коллективным, культурным и социальным [2; 3].

Но от автора исторической биографии зависит не только выбор методологического инструментария и стратегии исследования (не говоря уже о предмете изучения, выборе главного героя). Уже стало общепризнанным, что авторский исследовательский интерес является одним из определяющих факторов при выборе темы. Так или иначе историк, обращающийся к далеким или близким временам, событиям, людям, неизбежно обращается к себе, а научное исследование становится частью процесса самоидентификации. Как заметил А.И. Рейтблат, «биограф, реконструируя жизнь своего персонажа, создавая ему биографию, идентифицируется с ним, “собирает” тем самым себя, проясняет и иерархизирует свои жизненные цели и ценности, придает своей жизни смысл» [4, с. 189].

Даже тогда, когда на первый взгляд нет прямой связи между жизненным опытом исследователя и его объектом, оказывается, что выбор «героев» далеко не случаен. Кэйт Браун в статье для «круглого стола», посвященного биографии, в ведущем американском историческом журнале, объясняла свой интерес к истории правобережной Украины – региона полиэтничного и поликонфессионального, находя связь с событиями собственной жизни (несмотря на отсутствие, как она замечает, славянских, немецких или еврейских корней) и историей ее родного города в Иллинойсе [5, с. 599–603].

Как правило, личность исследователя, биографа прячется за историей описываемой жизни, остается за страницами биографии. Такая «внезаходимость» автора во многом ожидаема читательской аудиторией – ее интересует человек, о котором пишется биография, а не тот, который ее пишет. В то же время биографическое письмо, несомненно, содержит черты автобиогра-

фические, а жизнь персонажа биографии оказывается тесно связанной с жизнью ее автора, несмотря на дистанцию во времени или пространстве.

В центре статьи – проблема соотношения биографического и автобиографического, рассматриваемая на примере «Жизни Пушкина» А.В. Тырковой-Вильямс. Какие «нити» соединяют Пушкина и Тыркову, каким образом автобиографическое оказывается связанным с биографическим?

Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс (1869–1962) работала над биографией Пушкина более десяти лет, погружаясь в пушкинскую эпоху и проживая вместе с Пушкиным все этапы его жизненного пути. Первые упоминания Тырковой о замысле создания биографии Пушкина относятся к декабрю 1917 г. – январю 1918 г. Тогда, когда политическая ситуация в России – приход к власти большевиков, разгон Учредительного собрания, вызывала у нее, члена ЦК партии кадетов, либеральной журналистки, все большие опасения и тревогу за будущее страны, она начинает думать о Пушкине, читая его рукописи в Румянцевском музее [6, с. 146].

Биография Пушкина писалась Тырковой в эмиграции – в Англии [7], и произведения Пушкина и о Пушкине, необходимые ей для работы, она читала в Британском музее и Лондонской библиотеке. Неоднократно исследователи русской эмиграции отмечали, что обращение к русской культуре и стремление сохранить ее стало неотъемлемой чертой жизни русской эмиграции, способом выживания в чужой стране, попыткой «унести родину с собой». Трудности настоящего, отсутствие перспектив будущего делали особенно значимым обращение к прошлому, которое становилось основой сохранения национальной и культурной идентичности русского зарубежья. Но обращение Тырковой к Пушкину было не только проявлением ностальгии по утраченному (показательно название ее воспоминаний – «То, чего больше не будет»), но и попыткой соединить прошлое и настоящее, способом не только сохранить, передать русское культурное наследие, но и осмыслить настоящее в контексте творчества Пушкина и в целом системы координат русской культуры и интеллигенции.

Кульٹ Пушкина, формирование «пушкинского мифа» в имперской, а затем и советской России [8, 9, 10] делают понятным стремление Тырковой написать его биографию, но кроме общих причин обращения к Пушкину, для нее существовали и личные причины, постепенно раскрывающиеся в созданном произведении. А. Смит отмечает, что Тыркова «в отличие от многих своих современников (в том числе Тынянова и Цветаевой), писавших о Пушкине, не пыталась подойти к поэту с точки зрения существовавшего в начале XX в. так называемого “пушкинского мифа”. Конечно, интерес Тырковой к Пушкину мог быть объяснен связью с культурным сознанием авторов Серебряного века, которое формировалось под влиянием идей символизма о житнетворчестве. Как ни странно, Тыркова не пыталась выискивать аналогии между сво-

им творчеством и творчеством Пушкина»¹. А. Смит считала, что работа Тырковой как биографа Пушкина уникальна, сравнивая ее с биографиями, созданными Анненковым, Лернером, Вересаевым и Щеголевым, а также сопоставляя с романом Ю. Тынянова «Пушкин». В своей статье Смит дает анализ биографии Пушкина, написанной Тырковой, но ее исследование сфокусировано на проблеме литературной эволюции и канона, хотя Смит подчеркивает тесную мировоззренческую связь Пушкина и Тырковой, раскрывая политический и культурологический контекст написания «Жизни Пушкина».

Д.Н. Черниговский считает эволюцию политического мировоззрения Пушкина сюжетобразующей канвой для книги Тырковой, отражением ее собственных политических взглядов, хотя полагает, что концепцию политической биографии Пушкина Тыркова позаимствовала у Анненкова [11]. Назвав Пушкина (вслед за Вяземским) либеральным консерватором, Тыркова, по мнению исследователей, акцентировала консервативную и великодержавную сторону его политического мировоззрения, что было ближе ее собственным убеждениям и отражало борьбу за Пушкина между представителями советского литературоведения и русской эмиграции [12]. Но вопрос о политических взглядах Тырковой-Вильямс, ее либерализме и консерватизме выходит за рамки настоящей статьи и заслуживает отдельного исследования.

В написанной Тырковой биографии Пушкина их жизни оказываются незаметно соединенными, создавая впечатление особого «родства». При этом Тыркова неоднократно подчеркивает, что она никогда не писала стихи, несмотря на всю свою любовь к поэзии. Ее биография Пушкина – «мой Пушкин», отличающаяся от биографических очерков В. Брюсова и автобиографического текста М. Цветаевой [13, 14]. Современники после выхода первого тома «Жизни Пушкина» в 1929 г. в рецензиях отмечали как одно из достоинств книги скромность и умение Тырковой «отодвинуть себя», избежать «соблазна обращенности на себя»².

Тыркова в своих воспоминаниях неоднократно упоминает об увлечении творчеством Пушкина, характерном для гимназисток, для ее поколения в целом, знании на память его произведений, считая любовь к поэзии вообще чертой русского национального характера. Но в ее отношении к Пушкину появляется личная черта, особый характер ее рассказу придает упоминание о родственнике-лицейсте, учившемся вместе с Пушкиным. Об Александре Тыркове, на квартире которого праздновалась лицейская годовщина, сообщал ей в письме от 12 октября 1956 г. Алексей Ремизов, ссылаясь на дневник Кюхельбекера [15, с. 272]. Таким образом, Ремизов как будто подтверждает вос-

поминания Тырковой, которая ссылается на рассказ крепостного в имении родителей – Федора Некрасова, служившего у Александра Тыркова, считавшегося в семье душевнобольным. Она сожалеет, что не догадалась спросить его и узнать больше, объясняя это своим детским возрастом и непониманием. «Может быть, Федор Некрасов наливал Пушкину вино кометы? Может быть, он даже помнил проказливого, шумного, смешливого барина? ... Я уже знала наизусть целые страницы Пушкина, но мне и в голову не могло прийти, что когда-нибудь буду себя корить, что не поговорила с отставным камердинером о славных лицейских друзьях моего внучатого дяди» [16, с. 48]. Эпизод со старым слугой, относящийся к описанию детства Тырковой, создает ощущение даже более непосредственной, живой, персональной связи, чем ссылка на письмо или дневник.

«Нити родства» с Пушкиным проявляются также в описании брата Тырковой – Сергея. В нем она видит воплощение того же духа, удали, наслаждения жизнью, которое было присуще поколению Пушкина, друзьям. Описывая в своих воспоминаниях брата, его друзей, она видит в них лицейских друзей Пушкина, соединяя молодые поколения отношением к жизни, а биографическое с автобиографическим. «Много лет после его смерти, когда я изучала Пушкина и его друзей, мне легче было их понять, потому что в их поколении кипела та же широкая русская удаль, которая составляла главную прелесть моего Сережи» [16, с. 148].

Рассказывая о брате, Тыркова отмечает его жизнерадостность, готовность к проказам, затеям, приключениям, и таким же ей представляется поколение Пушкина, которое «умело веселиться, даже баловаться. Они шли навстречу жизни, брали все, что она давала». И здесь же Тыркова добавляет комментарий, связанный с революционными событиями в России, противопоставляя пушкинское поколение русской интеллигенции поколению нигилистов, толстовцев и затем большевиков. Вместо умения веселиться, наслаждаться жизнью появляются уродливость нигилизма и свирепость большевиков [17, с. 153].

Образы, созданные Тырковой в ее воспоминаниях, пересекаются с образами, созданными в биографии Пушкина. Таким, например, является образ няни. Хрестоматийно известная любому школьнику Арина Родионовна, как неотъемлемый компонент «пушкинского мифа», в биографическом тексте Тырковой о Пушкине воплощает и подлинно народное, национальное начало, и семейный уют, тепло, и усадебный быт русского дворянства, и интерес к историческому прошлому. Но Тыркова не стремится создать идеальный образ и цитирует письма Арины Родионовны к Пушкину, обращая внимание не только на ее трогательную заботу о нем, но и на грамматические ошибки, подчеркивая, что чувство русского языка, блестящее владение им пришло к Пушкину не от няни, хотя он, несомненно, наслаждался богатством устной речи, рассказами няни, а также читал ей свои произведения. Няня в семье Тырковых вырастила не одно поколение

¹ Смит А. Формирование литературного канона в книге Ариадны Тырковой-Вильямс «Жизнь Пушкина» // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2000. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/385293.html> (дата обращения: 01.03.2015).

² Раевский Г. Жизнь Пушкина // Возрождение. 1929 г. 18 апр. № 1416. С. 3.

детей, и описание ее в воспоминаниях Тырковой сразу вызывает в памяти образ Арины Родионовны. «Сколько таких преданных, любящих, мудрых русских нянюшек...» [16, с. 36]

Описание русского дворянства занимает важное место как в биографии Пушкина, так и в автобиографическом тексте Тырковой. Социальная идентичность, тесно связанная с идентичностью культурной, осознание принадлежности к одному сословию, сыгравшему особую роль в истории России, – еще одна «нить», соединяющая Пушкина и Тыркову. Размышлениям последней о русском дворянстве в условиях эмиграции присущ ностальгический оттенок, соединясь с мыслями о той России, которой «больше не будет». При этом акцент на дворянской идентичности появляется у Тырковой только в воспоминаниях, дворянство становится одной из «фигур памяти», воплощая представления о службе предков великой державе, государственности и культуре. Тыркова признается, что в конце XIX – начале XX вв., в эпоху реформ и революций, до крушения Российской империи, дворянская идентичность не была для нее значимой, заслоненная актуальностью гендерной, профессиональной, политической идентификации. Характеризуя состав партии кадетов, Тыркова замечала, что, несмотря на то, что многие из ее членов были дворянами, но никому «не могло прийти в голову выставлять свое дворянство на вид. Это просто было бы смешно ... Но и среди просвещенных дворян были такие, которые гордились заслугами своего сословия. Они так же, как Пушкин, помнили, какое место занимали их предки в развитии Российской державы» [16, с. 384–5] «Родовое» дворянское гнездо также становится символом утраченной дворянской культуры, утраченной России, а описания Михайловского в биографии Пушкина пересекаются с описаниями Вергежи – усадьбы Тырковой. Она писала, что, читая письма Пушкина из Михайловского, вспоминала Вергежу.

Участие Тырковой в женском движении в России также нашло, хотя и не прямое, отражение в биографии Пушкина. Портреты Голицыной, Воронцовой, Вяземской, Раевской, Волконской, созданные Тырковой, показывают образованных, тонко чувствующих женщин, сыгравших особую роль в развитии русской культуры, общественной жизни и, конечно, в жизни Пушкина. Наиболее полно «женский вопрос» раскрывается в другой биографической работе Тырковой, посвященной А.П. Философовой [18]. Причем имя Философовой появляется в биографии Пушкина, соединяя еще одной «нитью» биографическое и автобиографическое, так как Тыркова рассказывает о своей случайной находке в имении Философовых – Богдановском, расположенном недалеко от Михайловского: она обнаружила автограф Пушкина на карточном столике, когда гостила у А.П. Философовой, и с волнением рассматривала «пушкинский столик», за которым поэт играл в карты [17, с. 47–48].

Особого внимания заслуживает вопрос о работе Тырковой над биографией Пушкина, ее восприятии

процесса биографического письма, значении написания биографии Пушкина для нее самой. Как уже отмечалось, работа над биографией Пушкина шла с перерывами в течение более десяти лет. Между первым и вторым томом «Жизни Пушкина» Тырковой была написана биография ее мужа – британского журналиста Гарольда Вильямса. В 1943 г. в дневниковой записи Тыркова, перечисляя, как много ей было дано в жизни, называет и любимую работу – «В течение многих лет я прожила между Вили и Пушкиным» [19, с. 301]. «Главное написать две книги, т. е. второй том Пушкина и книгу о Гарольд Васильевиче. ... Между ним (Гар. Вас.) и Пушкиным жизнь была полна до краев», – писала Тыркова своему сыну Аркадию Борману [6, с. 240–41]. «Посвящаю моему мужу» – надпись на первой странице «Жизни Пушкина».

Тыркова писала о десяти годах работы над биографией как о счастливейших днях, проведенных «в обществе Пушкина» [6, с. 9]. Фраза об «обществе Пушкина» не случайна, Тыркова неоднократно в письмах сообщает, что живет «в том времени», полностью погружаясь в атмосферу жизни, культуры, события первой трети XIX в., мысленно перемещаясь из своего времени, из века XX, в другую эпоху – ту, которой, «больше не будет». Причем это было не только мысленное перемещение во времени, но и в пространстве, так как писалась биография Пушкина в Лондоне. Но это, как признавалась Тыркова в предисловии ко 2-му тому, «не мешало мне во время работы мысленно жить в тогдашней, Пушкинской, России» [17, с. 5].

Отметим важность восстановления хронологии работы Тырковой над биографией Пушкина. А. Смит пишет: «немаловажным мне представляется тот факт, что книга писалась в эмиграции с 1923 по 1939 год»³. Но требуется уточнить, что после чтения рукописей Пушкина в Румянцевском музее в декабре 1917 г. Тыркова задумала написать биографию Пушкина еще в январе 1918 г.: 5 января, в день Учредительного собрания, она записала в дневнике: «Меня тошнит от политики. ... Хочу думать только о Пушкине» [19, с. 212], а в 1922 г. начала работать над его биографией, несмотря на занятость в Комитете освобождения России, на журналистскую деятельность, переписку с центрами русской эмиграции и общение с самыми разными людьми [6, с. 205].

1923–1928 гг. стали временем постоянной работы Тырковой над первым томом «Жизни Пушкина». 15 марта 1923 г. она писала сыну Аркадию: «Начала ходить в Британский музей и наслаждаюсь подлинными книгами. Дома читаю венгерское издание (Пушкина) и ругаюсь. В общем увлекательно до бесконечности читать о Пушкине»⁴. В следующем письме от 19 марта 1923 г. она опять сообщает о посещении

³ Смит А. Формирование литературного канона в книге Арины Тырковой-Вильямс «Жизнь Пушкина».

⁴ Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture, Columbia University Library, Tyrkova-Williams Papers Collection. Box 10.

Британского музея и жалеет, что не начала работу над биографией Пушкина раньше, когда ей было 30 лет, чтобы успеть ее закончить к 35–40 годам⁵.

Тыркова внимательно изучала исследования, посвященные Пушкину, особенно П.В. Анненкова, П.И. Бартенева, Б. Модзалевского, читала материалы Остафьевского архива Вяземских, архива Раевских, братьев Тургеневых, воспоминания современников о Пушкине. Библиографический список к «Жизни Пушкина» содержит более 200 наименований использованных источников и публикаций. 31 марта 1923 г. Тыркова писала сыну: «Мой стол завален выписками. Пушкин, Пушкин и Пушкин». 19 октября 1923 г., почти через полгода работы над биографией, она сообщает в письме: «Я уже перебираю сегодня свои заметки о Пушкине. Хотя это все еще выписки, ни одной строчки рукописи еще нет. Но я наслаждаюсь, точно попала в родные поля. Вы не можете себе представить какое душевное равновесие и наслаждение дает мне эта работа. Нередко мне бывает стыдно, что я тону в умственном эпикурействе в то время как кругом... ну и так далее. Но я утешаюсь мыслью, что Пушкин, память о нем, близость с ним, это одна из основ нашего национального бытия. А вдруг удастся написать о нем настоящую книгу?!»⁶.

Спустя месяц, 18 ноября 1923 г., она все еще разбирает свои выписки, раскладывая их в хронологическом порядке, отбирая нужный для книги материал. 18 ноября 1926 г.: «Я в музей хожу с упоением, похожим на запой. Это ненадолго. У меня, как у пьяного дьячка, все уже прочитано, только не написано, а написать, до смерти, хочется» [6, с. 229]. И 27 января 1927 г.: «Пишу тебе на кипе своих бумажек. Иногда прихожу в отчаяние. Взвалила на себя самые тяжелые тяжести. А справлюсь ли? Одно дело читать, выбирать, даже думать. Совсем другое дело из всего этого построить книгу, ясную и которую захочется прочитать. Ну, делать нечего, побреду дальше» [6, с. 229]. Не случайно в предисловии к первому тому Тыркова признается, что ей было очень трудно и очень радостно работать над книгой. Свою работу она сравнивает с экспедицией на Эверест: «Только на вершинах, по которым я брожу, не холодная каменная пустыня, а неисчерпаемое разнообразие творчества. Эпоха удивительная и среди нее сияющая и пленительная фигура Пушкина»⁷.

Работая над биографией поэта, Тыркова не прекращает общественную и журналистскую деятельность, все время возвращаясь к Пушкину, живя сразу в двух эпохах и странах. В письме сыну от 10 мая 1926 г.: «Надо притянуть свои мозги к Пушкину, хотя через час опять уходить на заседание Красного Креста...» [6, с. 228]. 9 ноября 1926 г.: «Я наконец вчера, только вчера вернулась к Пушкину. ... А сегодня Китай занял все мое внимание и время». 14 февраля 1927 г.:

«Я отбилась эти дни от Пушкина. Надо опять браться за свои листки» [6, с. 229].

Окончание работы над первым томом совпало с внезапной смертью мужа, и к Пушкину Тыркова вернулась только в 1936 г. И опять Тыркова погружается в ту эпоху, проживая ее вместе с Пушкиным. «Сейчас стрелка моей жизни повернулась на сто лет назад. Я в гостях то у Зинаиды Волконской, то у Вяземских, то у Олениных» (27 января 1937 г.) [6, с. 270]. Ощущение жизни в другом времени ярко передает и письмо от 29 марта 1937 г.: «*Вчера* (курсив мой. – Т.С.) опустили тело Александра Сергеевича в могилу, около которой стояло несколько крепостных, Александр Тургенев и жандарм». [6, с. 272].

Таким образом, биография Пушкина стала частью жизни Тырковой, одной из ее главных книг, так как она видела в русской культуре условие сохранения России, несмотря на революции и войны. Она даже вывела своеобразную формулу – «Пушкин спасет Россию» (Письмо Аркадию Борману, 18 января 1936 г.)⁸ или – «Россия спасется Пушкиным» (письмо Е.Д. Кусковой, 5 июня 1936 г.) [19, с. 392]. В то же время в биографии Пушкина отразилась ее собственная жизнь, идейные и нравственные поиски, осмысление происходивших исторических событий, когда «добро и зло – все стало тенью...». Погружаясь в пушкинскую эпоху, открывая для себя (и своих читателей) историю России начала XIX в. Тыркова не искала в прошлом спасения от настоящего, а соединяла разорванную ткань времен «нитями родства». Биографию Пушкина, написанную Тырковой-Вильямс, можно рассматривать как вклад в «пушкинский миф», созданный еще в начале XX в. и получивший развитие в 1920–1930-е гг. В ней Пушкин представлен символом русской культуры, воплощающим в своей жизни и творчестве все, что было в России до революции 1917 г., отражая стремление эмиграции сохранить национальную культуру и острое чувство ностальгии по утраченному. В то же время книга Тырковой и разрушает «пушкинский миф» благодаря не только точным зарисовкам окружающей поэта реальности, но и соединению биографии Пушкина с ее собственной жизнью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Lois W. Banner Biography as History // The American Historical Review, 2009. Vol. 114, no. 3 (Jun.). p. 579–586.
2. История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2005. 715 с.
3. Историческая биография: современные подходы и методы исследования: сборник обзоров и рефератов. М.: РАН ИНИОН, 2011. 173 с.
4. *Рейтблат А.И.* Нравственные мотивации биографа // Рейтблат А.И. Писать поперек: Статьи по биографии, социологии и истории литературы. М.: НЛЮ, 2014. 415 с.
5. Kate Brown Place in Biography for Oneself // The American Historical Review. 2009. Vol. 114, no. 3 (Jun.). p. 599–603

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture, Columbia University Library. Tyrkova-Williams Papers Collection. Box 10.

6. *Borman A. A.V.* Tyrkova-Williams по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувэн; Вашингтон, 1964. 333 с.

7. *Kaznina O.A.* Русские в Англии. Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М., 1997. 413 с.

8. *Gasparov B., Hughes R., Paperno I.* Cultural Mythologies of Russian Modernism: From the Golden Age to the Silver Age. Berkeley: University of California Press, 1992. 494 p.

9. *Sandler S.* Commemorating Pushkin: Russia's Myth of a National Poet. Stanford, California: Stanford University Press, 2004. 416 p.

10. *Horowitz B.* The Myth of A.S. Pushkin In Russia's Silver Age: M.O. Gershenzon, Pushkinist. Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 1996. 129 p.

11. *Черниговский Д.Н.* А.В. Тыркова-Вильямс об общественно-политических взглядах Пушкина // Вестник Вятского гуманитарного университета. 2008. Т.2. № 3. С. 170–173.

12. *Карпович М.М.* Ариадна Тыркова-Вильямс. Жизнь Пушкина // Новый журнал. 1950. Кн. 23. С. 302–303.

13. *Брюсов В.Я.* Мой Пушкин: Статьи, исследования, наблюдения. М., 1929. 318 с.

14. *Цветаева М.И.* Мой Пушкин. СПб., 2006. 219 с.

15. Irene Zohrab Remizov, Williams, Mirsky and English readers (with some letters from Remizov to Ariadna Tyrkova-Williams and two unknown reviews // *New Zealand Slavonic J, Festschrift in honour of Patrick Waddington*, 1994. Pp. 259–288.

16. *Тыркова-Вильямс А.В.* Воспоминания. То, чего больше не будет. М.: Слово/Slovo, 1998. 560 с.

17. *Тыркова-Вильямс А.В.* Жизнь Пушкина: в 2 т. М.: Молодая гвардия, 2010. Т. 2. 514 с.

18. *Тыркова А.В.* Анна Павловна Философова и ее время. Пг.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1915. 488 с.

19. Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. М.: РОССПЭН, 2012. 1110 с.

REFERENCES

1. *Lois W.* Banner Biography as History. *The American Historical Review*, 2009, vol. 114, no. 3. Jun., pp. 579–586.

2. History through a person: historical biography today / ed. L.P. Repina. Moscow, 2005, 715 p. (In Russ.)

3. Historical biography: contemporary approaches and research methods. Moscow, 2011, 173 p. (In Russ.)

4. *Reitblat A.I.* The moral motivations of a biographer. *Reitblat A.I. Writing across. Biography, sociology and history of literature*. Moscow, 2014, 415 p. (in Russian)

5. Kate Brown Place in Biography for Oneself. *The American Historical Review*, 2009, vol. 114, no. 3, Jun., pp. 599–603.

6. *Borman A.V.* Tyrkova-Williams in her letters and memoirs of her son. Luwan: Washington, 1964, 333 p. (In Russ.)

7. *Kaznina O.A.* The Russians in England. Russian émigré in the context of the Russian-English literary connections in the first half of the 19th century. Moscow, 1997, 413 p. (In Russ.)

8. *Gasparov B., Hughes R.P., Paperno I.* Cultural Mythologies of Russian Modernism: From the Golden Age to the Silver Age. Berkeley: University of California Press, 1992, 494 p.

9. *Sandler S.* Commemorating Pushkin: Russia's Myth of a National Poet. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2004, 416 p.

10. *Horowitz B.* The Myth of A.S. Pushkin In Russia's Silver Age: M.O. Gershenzon, Pushkinist. Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 1996, 129 p.

11. *Chernigovskii D.N.* A.V. Tyrkova-Williams about social and political views of Pushkin. *Vestnik Vyatskogo humanitarnogo universiteta*. 2008, vol. 2, no 3, pp. 170–173, (In Russ.)

12. *Karpovich M.M.* Ariadna Tyrkova-Williams. Life of Pushkin. *Novyi zhurnal*. 1950, vol. 23, pp. 302–303. (In Russ.)

13. *Bruysov V.* My Pushkin: articles, researches, observations. Moscow, 1929, 318 p. (In Russ.)

14. *Tsvetaeva M.* My Pushkin. St. Petersburg, 2006. 219 p. (In Russ.)

15. Irene Zohrab Remizov, Williams, Mirsky and English readers (with some letters from Remizov to Ariadna Tyrkova-Williams and two unknown reviews. *New Zealand Slavonic Journal, Festschrift in honour of Patrick Waddington*, 1994, pp. 259–288.

16. *Tyrkova-Williams A.V.* The memoirs. That will never be again. Moscow, 1998, 560 p. (In Russ.)

17. *Tyrkova-Williams A.V.* Life of Pushkin: 2 vols, Moscow, 2010, vol. 2. 514 p. (In Russ.)

18. *Tyrkova A.V.* Anna Pavlovna Filosofova and her time. Petrograd, 1915, 488 p. (In Russ.)

19. The heritage of Ariadna Vladimirovna Tyrkova: Diaries. Letters. Moscow, 2012, 1110 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 02.11.2015